

Юн Шань прогнал Юн Линя и обернулся, вполне довольный собой.

Юн Ци охотно бросился бы в бегство, но, к его несчастью, бежать было некуда. Всё, что ему оставалось, — это беспомощно замереть на месте в ожидании приказов Юн Шаня. С виду Юн Шань казался совершенно безобидным, но его старший брат был уже сыт по горло этой «обманчивостью», более не осмеливаясь судить о настроении старшего близнеца лишь по внешним признакам. От волнения дыхание Юн Ци участилось.

Юн Шань в своё время с любопытством поглядывал на него, подмечая, что пальцы юноши судорожно вцепились в ткань одежды. Юн Ци не знал, насколько волнующим и привлекательным было это неосознанное действие для его брата. В голове Юн Шаня промелькнула мысль, что этот стыдливый, испуганный юноша, стоящий прямо перед ним, не должен быть его старшим братом.

Будь на то воля Юн Шаня, Юн Ци бы предстал перед всеми в качестве жены наследного принца. Таковы были его предпочтения, однако осуществить подобное не представлялось возможным.

По крайней мере, обнимая свою жену, наследник престола мог бы успокоить её своей лаской, не давая литься слезам.

Юн Шань жаждал крепко обнять Юн Ци, слиться с ним в поцелуе. Взяв его руку, он притянул бы её к губам и целовал так нежно, как только сумел бы, но желаннее всего было бы притянуть к себе это изящное тело и, прижимаясь к каждому сантиметру кожи, целовать до ярко-алого цвета, и чтобы этот цвет держался вечно, словно клеймо, которое ясно дало бы знать, что всё это тело принадлежит лишь ему — Юн Шаню.

К счастью для Юн Шаня, Юн Ци не имел ни малейшего представления о том, какие мысли осели в голове его младшего брата. Узнай он хоть часть, то, пожалуй, уже давно бы начал избегать его.

— Что ты хочешь, чтобы я написал? — не выдержав напряжения спросил Юн Ци, который уже долгое время стоял в тишине под пристальным взглядом Юн Шаня.

Этот взгляд был почти ощутимым, настолько тяжело его было выдержать. Когда Юн Шань смотрел на него, Юн Ци казалось, будто младший брат хватается его обеими руками, разрывая тело и вгрызаясь мёртвой хваткой в его кости. Задав свой вопрос, Юн Ци воспользовался им же озвученным предлогом и сделал шаг к большому жёлтому шкафу, сделанному из грушевого дерева, и, остановившись перед ним, достал четыре главные драгоценности кабинета — кисть, тушь, бумагу и тушечницу. В конце концов, он когда-то жил здесь и поэтому помнил, где найти все эти вещи.

К тому же, по-видимому, Юн Шань, будучи новым владельцем дворца, оставил в нём всё как есть, без каких-либо изменений.

— Как насчёт того, чтобы написать что-нибудь приятное? — Юн Шань тихо подкрался сзади именно в тот момент, когда Юн Ци растирал тушь.

Они оба знали, что растирание туши — всего лишь притворство, служащее маскировкой, чтобы скрыть свою уязвимость и слабость. С сокращающимся между ними расстоянием атмосфера постепенно накалялась. Юн Ци ощущал давление, из-за чего ему стало трудно дышать, а после юноша ощутил зуд, резко пробежавший по спине. Это ощущение, казалось, отличалось от того, когда Юн Шань пронзал его взглядом. Вскоре юноша услышал низкий смех позади:

— Угадай, что это за слово?

Задав вопрос, Юн Шань кончиком пальца прикоснулся к спине Юн Ци и начал легко и небрежно выводить на ней какое-то слово. Закончив писать, он продолжил вырисовывать круги на спине старшего брата. Складывалось впечатление, что он и не собирался прекращать своё увлекательное занятие, по крайней мере до тех пор, пока Юн Ци не отгадает это загадочное слово.

Но Юн Ци продолжал молчать. Наклонив голову, юноша растирал тушь в тушечнице и совершенно не хотел вступать в эту скучную игру.

— Я напишу ещё раз. — И Юн Шань вновь, легко надавливая на спину брата, стал выводить то же слово.

Но ответ так и не последовал.

— Ну, догадался?

И губы вновь коснулись ушка Юн Ци, вынуждая юношу играть по правилам своего младшего брата.

На самом же деле угадать то, что написал Юн Шань, было не так уж и сложно.

— Двое.

— Что двое?

— Двое не одиноких.

— Неправильно, — шёпотом поправил его Юн Шань. — Двое счастливых и благословлённых Небом людей, мой старший брат Юн Ци.

Рука Юн Ци неожиданно дрогнула, и несколько капель уже жидкой туши попали на столик. Юноша пожал плечами, словно хотел обернуться и посмотреть, но Юн Шань облокотился на его спину, придавливая своим весом и не давая сделать ни малейшего движения.

— Не нужно тебе оборачиваться. — Не позволял Юн Шань, уперевшись обеими руками в спину Юн Ци. — Не стоит.

Его голос был очень низким, словно юноша вовсе и не был владельцем этого огромного дворца, не занимал трон наследного принца. Он говорил тихо, словно боялся разбить вдребезги нечто очень хрупкое, осознавая, что из-за этого сможет вернуться лишь к руинам.

Юн Шань, медленно прижавшись к Юн Ци, обвил руками шею старшего брата и, словно маленький ребёнок, крепко обнял его.

Юн Шань чувствовал себя старше любого другого министра, да ещё и куда опытнее и умнее, чем все его братья, однако сейчас ему очень хотелось впасть в детство и побыть всего лишь ребёнком, забыв о своем положении.

Одни лишь дети не несут ответственности за свои собственные ошибки.

Никто не запоминает детских проступков, к тому же к ним всегда относятся снисходительно.

Но он уже давно вырос и стал достаточно взрослым, чтобы занять место наследного принца и возложить на свои плечи огромную ответственность за свой народ, распорядившись его судьбой по своему усмотрению.

Ему исполнилось шестнадцать лет, и он уже не был ребёнком, который нуждался в чём-либо прощении.

— Ради меня напиши слово. — Произнеся фразу, Юн Шань медленно разомкнул руки, высвобождая Юн Ци из своих объятий.

В ответ Юн Ци тихо спросил:

— Какое слово?

— Ты знаешь, какое. Как только ты напишешь его, оставь листок на столе и дождись, когда я вернусь. Если я буду поздно, прикажи Чан Дэфу приготовить тебе обед. Во дворце наследного принца ты можешь ходить где угодно, только не покидай его стен.

Юн Ци молча слушал наставления брата, обернувшись через несколько мгновений.

Юн Шань уже ушёл.

Дверь в боковом зале осталась приоткрытой наполовину. Юн Шань ушёл, оставив Юн Ци в полном одиночестве, заставляя того ощутить неловкость от внезапного уединения и воцарившейся тишины.

С губ сорвался вздох облегчения. Подойдя к двери, юноша хотел закрыть её, к тому же он действительно не знал, что за слово ожидает увидеть Юн Шань.

Но внезапно за дверью появилась тень. Согнувшись, она бесшумно проникла внутрь зала, словно призрак, заставив Юн Ци в страхе сделать пару шагов назад.

— Кто Вы?

— Ваше Высочество Юн Ци, меня прислала к Вам наложница Ли. Я пришёл сюда, чтобы передать её слова Вашему Высочеству.

Юн Ци успокоился. Посмотрев на человека перед собой, юноша бросил взгляд на окно, боясь, что кто-нибудь может подглядывать, а после вновь посмотрел на слугу и тихо произнёс:

— Я не понимаю, о чём Вы говорите.

— Это не так важно. Самое важное — знает ли Ваше Высочество, чем сейчас занят второй сын императора Юн Шань?

Юн Ци помолчал с минуту, а затем ответил:

— Откуда мне знать?

— Ваше Высочество. — Человек обвёл взглядом всё пространство и, тихо приблизившись, прошептал послание: — Ваше Высочество случайно не слышал имени Гун Ухуэй?

Юн Шань действительно отправился на встречу с Гун Ухуэем.

В глазах обычного человека императорская тюрьма, куда был заточён Гун Ухуэй, являлась хорошо охраняемым местом, куда посторонним вход был закрыт. В глазах же Его Высочества наследного принца попасть туда не составляло особого труда, достаточно было всего одного слова.

Закрытый паланкин остановился снаружи императорской тюрьмы. Слуга, сопровождавший Юн Шаня, тут же доложил о прибытии Его Высочества, из-за главный смотритель императорской

тюрьмы, Лао Ча, немедленно сорвался с места и с дежурной улыбкой поспешил поприветствовать вошедшего юношу. Затем мужчина приказал слугам зажечь свечи, чтобы немного наполнить теплом сырые стены тюрьмы, а после смотритель отдал ещё один приказ своим людям — принести именной список и подать Его Высочеству для ознакомления.

Юн Шань слегка улыбнулся и помахал рукой:

— Не стоит. Я здесь не для того, чтобы вести судебное следствие, а только для проведения осмотра. Отец-император отдал мне приказ — ведь управляя делами, не нужно всё время сидеть во дворце за изучением докладов, когда можно и лично нанести визит для проведения осмотра всей императорской тюрьмы. К счастью, сегодня я сам приехал сюда и сразу же хочу приступить к выполнению своих обязанностей.

— Ваше Высочество действительно очень внимательно ведёт дела и интересуется чувствами народа. В такой холодный день Вы лично явились в императорскую тюрьму, ах-ах, Ваше Высочество, поберегите себя, ведь здесь сыро и холодно...

Юн Шаню крайне наскучило слушать болтовню Лао Ча и, игнорируя всю заботу и уважение со стороны мужчины, он молча приступил к делу, неспешно зашагав вглубь тюрьмы. Рана всё ещё не зажила до конца, и, наступая на раненую ногу, юноша по-прежнему чувствовал боль, но он давно привык вести себя гордо и не показывать своих слабостей. Он ненавидел сочувствие, так как это выглядело жалко в его глазах, и он испытывал отвращение, когда кто-то хотел ему помочь без приказа. Юн Шань двигался медленно, с трудом переставляя ноги, но всё равно стойко переносил боль. Как и ожидал наследный принц, никто, глядя на него, и не думал, что что-то не так.

Следуя записям, чтобы попасть в место, где официально держат заключённых, нужно было сначала выйти в передний дворик и оттуда пройти прямо по дорожке, выложенной из тёмно-синего кирпича. Дойдя до конца дороги, по пути всё чаще и чаще стали попадаться ворота, сделанные из прочного дерева и закрытые железными затворами. К каждому воротам была приставлена специально отобранная стража.

В проходе с обеих сторон располагались небольшие тюремные камеры. Некоторые из них пустовали, а некоторые камеры были закрыты, так как в них сидели заключённые, закованные в кандалы. Многие заключённые отличались от своих сокамерников: кто-то из них гневно смотрел на того, кто тревожил их одиночество, скрывая в своём сердце ненависть и обиду. Кто-то же оцепенело сидел на соломенной подстилке, а в глазах их читались растерянность и беспомощность.

Вскоре осмотревшись, Юн Шань одобряюще сказал:

— Здесь хоть и немного сыро, но зато чисто и опрятно. Ты славно несёшь свою службу.

Лао Ча услышал похвалу от Его Высочества, и на его лице расцвела едва заметная улыбка.

— Ваш слуга просто добросовестно относится к своему делу, и это нельзя считать какой-то заслугой. Вы, Ваше Высочество, делаете действительно важные вещи. Ваш слуга хоть и мелкий чиновник, но часто слышит, как министры восхваляют Ваше Высочество, говоря, что хоть наследный принц молод, однако умён и трудолюбив.

Юн Шань снова проигнорировал мужчину и так же молча медленно направился вперёд. Через какое-то время он словно что-то вспомнил и спросил:

— Два дня назад по приказу отца-императора сюда доставили секретаря Его Величества и, обвинив его в том, что он оклеветал родственника императорской наложницы. Этот клеветник всё ещё здесь или его уже выпустили?

— Секретарь Его Величества? А! Ваше Высочество, наверное, имеет в виду Гун Ухуэя. Нет, его не выпустили, он всё ещё здесь. Ваше Высочество, прошу сюда.

Лао Ча проводил Юн Шаня к камере, где был заточён Гун Ухуэй.

Бросив взгляд, Юн Шань не выдержал и, разомкнув губы, сказал:

— Ты ведь понимаешь, что не следует разделять преступников на высших и низших. Так почему же этот человек занимает отдельную камеру, и за ним так хорошо ухаживают?

— Ваш слуга не решился! — Лао Ча, боясь, что Юн Шань его не так поймёт, смущённо пояснил: — Император отправил сюда Гун Ухуэя за дерзкое высказывание в надежде, что тот образумится, посидев в императорской тюрьме. К тому же Его Величество сказал, что выпустит его отсюда, если Гун Ухуэй напишет покаянное письмо и отошлёт его императору. Ваш слуга специально для того, чтобы он смог написать покаянное письмо, предоставил Гун Ухуэю отдельную камеру с бумагой и тушью. Ваш слуга не гнался за личной выгодой, поверьте.

Слушая оправдания Лао Ча, Юн Шань загадочно улыбнулся и, вскинув голову, приказал:

— Открой дверь.

Несмотря на то, что его губы дрогнули в улыбке, в глазах Юн Шаня не было даже её тени. Наоборот, взгляд его был полон пронзающего душу холода.

Лао Ча, который не осмелился сказать и слова, тотчас же достал ключи и лично открыл дверь. Пропустив вперёд Юн Шаня, мужчина последовал за ним, прячась за спиной, но сделав пару шагов, мужчина услышал приказ выйти вон и не посмел идти дальше. Тихо отступив, слуга вышел за дверь и, присоединившись к своим людям, покорно стал ждать.

Отдельная камера с кистью и тушью в императорской тюрьме отличалась от обыкновенных камер. Не считая стен и кровати, она была ещё и чистой, а её самой большой особенностью

являлось то, что на входе этой камеры висели не решётчатые двери, что применялись обычно, а массивные деревянные, как будто это было отдельным пространством, в которое нельзя было вторгаться даже единичным взглядом, чтобы не ставить заключённого в неловкое положение.

Такие особые меры были придуманы императорами, что правили в предшествующих веках. В стенах императорского дворца отношения между людьми были сложными и менялись, словно ветром гонимые тучи. Зачастую в тюрьму попадали ни в чём не повинные люди. Поэтому и была создана такая камера с бумагой и тушью, чтобы задержанный подданный или же чиновник мог в ней составить тайное и совершенно секретное письмо императору для того, чтобы отмыть своё имя от грязи и позора. При этом заключённый не боялся, что его письмо может попасться на глаза простому тюремщику, который мог только запутать и усугубить дело. Конечно, в этой камере императорам было удобно вести секретные допросы, не боясь, что тайны могут просочиться сквозь эти стены.

Юн Шань вошёл в камеру и, слегка мазнув взглядом по всему пространству, разглядел её. Сама камера была очень маленькой и узкой: три белых стены и одна крепкая дверь с отделочным камнем голубовато-серого цвета, которая полностью закрывала пространство, пряча заключённого от посторонних глаз. Единственной связью с внешним миром было оконце, располагавшееся высоко на стене. Само же окно было всего лишь размером с ладонь, но даже в такое небольшое отверстие проникали лучи солнечного света и освещали собой всё пространство. В камере также была деревянная кровать, на которой лежало свёрнутое в стопку чистое ватное одеяло. Перед кроватью располагался узкий длинный столик, на котором лежали тушь, кисть, бумага и тушечница. Как и на кровати, так и на столе было опрятно и без единой пылинки.

За столиком сидел мужчина лет сорока пяти. Он сидел ровно, склонив голову, и находился в глубокой задумчивости. Услышав звук шагов, мужчина поднял лицо и, увидев Юн Шаня, слегка оторопел, однако вскоре ему удалось успокоиться. Подогнув почти одеревенелые ноги, мужчина припал к земле и поклонился, приветствуя Его Высочество:

— Мелкий министр Гун Ухуэй приветствует Ваше Высочество наследного принца.

Юн Шань одарил мужчину холодным взглядом и, не прося его придерживаться церемоний, раздражённо заговорил:

— Как ты смеешь называть себя министром?! Министр должен почитать императора. Зачем ты распустил свой язык, оклеветав родственника императрицы? Пятый принц Юн Шэн является моим младшим братом, который долгое время рос во дворце императорских наложниц. Он ещё несмышлёный ребёнок, он даже тебя не оскорбил, так почему же ты, не щадя этого ребёнка, написал письмо Его Величеству, замышляя заговор против него?

В голосе Юн Шаня звучал сарказм — любой другой человек, услышав этот вопрос, поменялся бы в лице, бледнея от страха. Но лицо Гун Ухуэя выглядело обычным: склонив голову, мужчина внимательно слушал Его Высочество и не спешил отвечать. Какое-то время в камере царила тишина. Гун Ухуэй неспешно вернулся на своё место у столика и растянул губы в едва заметной улыбке:

— Как только это произошло, я уже знал, что не выйду отсюда живым, но я никак не ожидал, что пятый принц станет настолько опасным и уговорит Ваше Высочество наследного принца приехать сюда. Ах, я лишь мелкий секретарь, чья жизнь не стоит и гроша, так с какой стати наследник престола лично явился сюда? Ваше Высочество, взгляните.

Мужчина запустил руку за пазуху и, найдя какую-то вещь, вытянул наружу, после чего вещица с лёгким звяканьем опустилась на столик.

— У меня уже готово лекарство. Если ситуация вышла из-под контроля, то, выпив один глоток, можно покончить разом со всеми проблемами в мире.

<http://bllate.org/book/13372/1189561>